Родилась я в 1934 г. в Могилеве. До войны жили мы в казарме от железной дороги на шоссе Могилев – Минск. Отец, Иван Михайлович, и мать, Фекла Тимофеевна, работали на железной дороге: мать телефонисткой, а отец механиком по связи.

К началу войны мне исполнилось 7 лет. В школу я еще не ходила. У меня был брат Анатолий, ровно на 5 лет меня младше.

Родителям как железнодорожникам эвакуироваться было нельзя. Помню, как где-то через месяц после начала войны мы прятали девочку-еврейку. У нее не было родителей. Делали для нее шалаш возле дома. Потом ее забрали люди, и, что с ней стало, не знаю.

Осенью 1942 года немцы подогнали к нашей казарме большую машину, погрузили все наши пожитки и нас в пульмановский вагон. Помню, что у нас с собой были большой фикус и пальма в горшке, и, пока мы приехали, они замерзли. Привезли нас в Шклов. Поселили в казарме. В одной казарме жили местные железнодорожные рабочие, а в другой – немцы.

Мне запомнился один из немцев – плотный, низкий мужчина по фамилии Ключ, который жил в немецкой казарме. Мы, дети, как-то несли деревянные обломки на дрова. Он говорил по-русски: «Нельзя воровать – это грех! Боженька все видит».

Отца заставили работать на железной дороге. В Шклове жила бабушка, мама отца. В 1942 году где-то вроде бы воровали бензин. Всех, кого только подозревали в воровстве и покупке ворованного бензина, немцы или полицаи арестовали. Много людей тогда забрали в заложники, в том числе бабушку. Всех заложников привезли на территорию маслозавода. Там было поврежденное взрывом во время немецкой бомбардировки 1941 года здание синагоги. Заложников держали в подвалах этой синагоги. Потом всех вывезли на берег Днепра и расстреляли. Это было примерно в том месте, где теперь памятник стоит. Помню, что отец, когда пришел домой, даже не плакал, а ревел, как никогда.

Вскоре после этого, поздней осенью 1942 года, вся папина бригада ушла в партизаны. Железнодорожные мастерские, где работал отец, были недалеко от вокзала. Рабочие сколотили бригаду. В нее входили Сергей Федорович Янченко, Яков Толпинский, мой дядя – папин брат – и другие. Перед тем как уйти, они подготовили взрывные устройства и другой материал, чтобы с собой взять.

На водокачке, где заправляли водой паровозы, работал подпольщик Ровняго. Он разобрал все механизмы водокачки, все спрятал и тоже ушел со всеми в партизаны. Все мужчины пошли в 60-й партизанский отряд. Мы тогда думали, что, если такой номер у отряда, значит, их в Беларуси уже больше 60. В партизанском отряде было очень много евреев, но имен их я не знаю.

Забрали и семьи партизан. Подогнали лошадей, погрузили нас всех, и мы уехали. Женщины, старики, дети сначала жили в деревне Рамшино. Через месяц после отъезда умерла моя мать. Она что-то сделала, чтобы избавиться от беременности, стало ей плохо. Как беженку ее привезли в больницу в Шклов. Там она умерла. Нам, детям, до конца войны не сказали о маминой смерти. Нас с братом прикрепили к семье Ровняго. Ровняго б ыл в годах, его взрослая дочка-учительница и сын 1932 г. р.

В семье Соболевских было человек пять-шесть: старики и дочь Нина с 8-месячным ребенком, дочь Нюра с детьми...

Ушедших в отряд железнодорожников и их семьи искали. Началась облава на партизан. Нас предупредили, что надо уходить. Партизаны прислали две подводы за нашими семьями. Когда немцы подходили, из деревень все уходили в лес. Мы приехали в какую-то деревню, а там никого нет. Поехали в лес. На чистом снегу хорошо были видны следы наших подвод. Через некоторое время наши мужчины, отец Ровняго и двое четырнадцатилетних парней (сын Ровняго и Соболевский), решили вернуться посмотреть, есть ли там кто-то из местных, а дети и женщины остались на подводах.

[redacted]